

Научная статья

<https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-4-31-35>

EDN: <https://elibrary.ru/ameriv>

КАШКИНА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

кандидат юридических наук, доцент

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(Москва, Россия)

000049@bk.ru

ORCID.ORG/0000-0001-5045-2054

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ С ПЕРСПЕКТИВОЙ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОБАЦИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка системного историко-правового анализа становления института условно-досрочного освобождения в России. Особое внимание уделено нормативным источникам, определяющим правовую природу и процедурные особенности применения данного института: Уголовному уложению 1903 г., Закону 1909 г. «Об условном досрочном освобождении», а также Инструкции Народного комиссариата юстиции 1918 г. «О досрочном освобождении». На основе сравнительного анализа выявлены ключевые тенденции трансформации правового регулирования условно-досрочного освобождения: от административной дискреции дореволюционной эпохи к судебной процедуре советского периода и к современному формализованному механизму, закрепленному в ст. 79 УК РФ. В работе показано, что развитие института условно-досрочного освобождения характеризуется последовательной демократизацией, дифференциацией условий применения, формализацией правовых процедур и усилением социальной направленности. Подчеркивается, что современная модель условно-досрочного освобождения сочетает элементы гуманизма с принципом обеспечения общественной безопасности, что обеспечивает баланс интересов государства и личности. Автор обосновывает взаимосвязь с институтом пробации как современного направления уголовной политики, ориентированного на ресоциализацию осужденных. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования условно-досрочного освобождения с учетом положений Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», предупреждения чрезмерной формализации и обеспечения реальной эффективности механизма условно-досрочного освобождения как инструмента интеграции личности в общество.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, пробация, ресоциализация, история уголовного законодательства, гуманизация наказания, индивидуализация наказания

Для цитирования: Кашкина Е.В. Историко-правовой анализ нормативного обеспечения института условно-досрочного освобождения с перспективой его совершенствования в условиях пробации // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 4 (76). С. 31–35; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-4-31-35>.

KASHKINA EKATERINA V.

PhD of Law, Associate Professor

Research Institute of the Federal Penitentiary Service
(Moscow, Russia)

**HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS
OF THE REGULATORY SUPPORT
OF THE CONDITIONAL-PARTIAL EXPIATION INSTITUTION
WITH THE PROSPECT OF ITS IMPROVEMENT
IN THE CONDITIONS OF TRIAL**

Abstract. *The article attempts to provide a systematic historical and legal analysis of the development of the institution of conditional early release in Russia. Special attention is given to the legal sources that defined the legal nature and procedural aspects of this institution, including the Criminal Code of 1903, the Law of 1909 on Conditional Early Release, and the Instruction of the People's Commissariat of Justice of 1918 on Early Release. Based on a comparative analysis, the key trends in the transformation of the legal regulation of parole have been identified: from the administrative discretion of the pre-revolutionary era to the judicial procedure of the Soviet period and to the modern formalized mechanism enshrined in Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper shows that the development of the institution of parole is characterized by consistent democratization, differentiation of conditions of application, formalization of legal procedures, and strengthening of social orientation. It is emphasized that the modern model of parole combines elements of humanism with the principle of ensuring public safety, which ensures a balance between the interests of the state and the individual. The author substantiates the relationship with the institution of probation as a modern area of criminal policy focused on the resocialization of convicts. The article substantiates the need to further improve the legal regulation of parole, taking into account the provisions of the Federal Law «On Probation in the Russian Federation», to prevent excessive formalization and ensure the real effectiveness of the parole mechanism as a tool for integrating individuals into society.*

Keywords: *parole, probation, resocialization, history of criminal legislation, humanization of punishment, individualization of punishment*

For citation: *Kashkina E.V. Historical and legal analysis of the regulatory support of the conditional-partial expiation institution with the prospect of its improvement in the conditions of trial // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2025. № 4 (76). P. 31–35; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-4-31-35>.*

Институт условно-досрочного освобождения (далее – УДО) традиционно рассматривается в отечественной уголовно-правовой науке как один из важнейших механизмов реализации принципов гуманизма и индивидуализации наказания. Его предназначение заключается в том, чтобы создать для осужденных правовую мотивацию к исправлению, стимулировать правопослушное поведение и тем самым снизить уровень рецидивной преступности. Изучение истории развития данного института позволяет выявить его трансформацию в основные периоды: от дореволюционной модели¹, через первые советские нормативные акты², до современного регулирования³.

Целями настоящего исследования являются: проведение историко-правового анализа нормативного обеспечения условно-досрочного освобождения, выявление общих и отличительных черт на различных этапах его эволюции, оценка перспектив дальнейшего совершенствования института.

Так, результатом многолетней работы отечественных юристов, стремившихся

модернизировать уголовное право Российской империи, стали Уголовное уложение 1903 г. [1, с. 193–198], нашедшие в нем отражение прогрессивные для своего времени идеи: принцип законности, расширение института условного осуждения, а также элементы условно-досрочного освобождения. Несмотря на то, что само понятие «условное досрочное освобождение» в Уложении прямо не использовалось, существовал механизм освобождения от наказания по отбытии части срока с учетом поведения осужденного. Так, ст. 23 предусматривалось, что в случае одобрительного поведения приговоренных к каторге (без срока – по истечении 15 лет, к срочной – по истечении 2/3 определенного им срока), данные лица могут быть переведены в места, предназначенные для поселения. Переведенные на поселение из каторги, а равно приговоренные на поселение, по истечении 10 лет, в случае одобрительного их поведения, могут быть освобождены от поселения. Следуя подобному регламентированию процедуры смягчения наказания (Отделение третья. О наказании), А.Ю. Морозов приходит

¹ Новое уголовное уложение, высочайшее утвержденное 22 марта 1903 г. + Новое уголовное уложение, высочайшее утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. – Неофиц. изд. – Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. 253 с. Национальная электронная библиотека: [сайт]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/?ysclid=mhk8qg39m2768975910 (дата обращения: 01.10.2025).

² О досрочном освобождении (Инструкция): постановление Народного Комиссариата Юстиции от 25 ноября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/348796?ysclid=mef8lfmogl787272475> (дата обращения: 01.10.2025).

³ Прим. автора: статья 79 УК РФ.

к заключению, что нормативное закрепление УДО было осуществлено ранее официального законодательного признания в 1909 году [2, с. 56–57]. Однако именно закон «Об условном досрочном освобождении» стал тем нормативным актом, который ввел в оборот термин «условное досрочное освобождение».

Приведенные ниже сведения (табл.), основанные на анализе Закона 1909 г., позволяют нам говорить о том, что дореволюционный институт имел ярко выраженный административный характер: решение принималось не судом, а исполнительной властью. Судебная процедура рассмотрения ходатайств отсутствовала, что отражало специфику самодержавной модели права, где судебная система была ограничена в правах по сравнению с административной. Таким образом, дореволюционный институт был слабо урегулирован и зависел от дискреции государственных органов.

После Октябрьской революции 1917 г. советская власть столкнулась с необходимостью коренной перестройки уголовно-правовой системы. Отказ от дореволюционного законодательства требовал выработки собственных институтов, соответствующих новым идеологическим установкам. Вместе с тем, «несмотря на отказ от многих правовых институтов царской России, практически с первых месяцев существования советской власти институт УДО был закреплен в законодательстве» [3, с. 40], а именно в постановлении Народного комиссариата юстиции от 25 ноября 1918 г. «О досрочном освобождении» (далее – Инструкция)¹, которое стало первым советским актом, прямо регулирующим процедуру досрочного освобождения.

Анализ содержания документа позволяет выделить несколько ключевых элементов (табл.).

Таблица

	1909	1918
Субъекты подачи ходатайства	административный аппарат (лица прокурорского надзора, начальник мест заключения, директора и члены комитетов и отделений Общества попечительного о тюрьмах, члены Обществ патроната, а также духовные лица и врачи, состоящие при месте заключения)	осужденный, его близкий или Распределительная комиссия
Минимальный срок отбытия наказания	отбытие не менее $\frac{3}{4}$ срока, если лицо провело в местах заключения не менее 6 месяцев	отбытие половины назначенного судом срока лишения свободы
Компетентный орган рассмотрения ходатайства	особое совещание, принимавшее решение коллегиально, большинством голосов, при равенстве голосов мнение председателя дает перевес. Состав совещания был достаточно разнообразен (п. 7 Закона), роль председателя исполнял представитель суда	- суд (Народный или Революционный трибунал), вынесший приговор; - суд по месту отбывания наказания, если наказание отбывалось в пределах его округа
Процедура рассмотрения	заявление рассматривалось особым совещанием, решение которого оформлялось постановлением и передавалось в суд без участия заключенного	открытое судебное заседание с вызовом осужденного или инициатора ходатайства. При этом неявка лица не препятствовала разрешению дела
Экспертная помощь	суд вправе требовать дополнительных сведений и вызывать в заседание для дачи объяснений начальника места заключения, а равно других членов комиссии	заслушивание представителей коллегии воспитателей при местах заключения, а при ее отсутствии – заведующего местами заключения или его помощника
Решение суда	решение суда: - удовлетворение постановления особого совещания; - место жительства лица, подлежащего условному досрочному освобождению; - обозначение органа или учреждения, ответственного за надзор за освобожденным	итоговое определение суда содержало: - указание на последствия в случае совершения условно освобожденным нового преступления (возврат к отбыванию полного срока); - обозначение органа или учреждения, ответственного за надзор за освобожденным

¹ О досрочном освобождении (Инструкция): постановление Народного комиссариата Юстиции от 25 ноября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/348796?ysclid=mef8lfmogil787272475> (дата обращения: 01.10.2025).

Мы можем констатировать, что Инструкция закрепила достаточно стройный процессуальный порядок рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении.

Вместе с тем следует упомянуть о значимости Инструкции в первые послереволюционные годы, что объясняется рядом причин:

1) впервые в отечественной практике именно суд стал центральным органом, уполномоченным решать вопрос о досрочном освобождении, что отличало его от дореволюционной административной модели;

2) установление минимального срока отбытия наказания (половина) стало первым нормативным критерием допустимости досрочного освобождения;

3) процедура приобрела публичный характер за счет рассмотрения дел в открытых заседаниях.

Однако следует согласиться с мнением И.В. Упорова, что Инструкция носила во многом поверхностный характер, так как не содержала четких принципов применения досрочного освобождения и оснований для оценки исправления осужденного [4, с. 74].

Сопоставление Инструкции 1918 г. с дореволюционной практикой позволяет выявить как преемственность, так и новации. Так, преемственность заключалась в сохранении идеи освобождения после отбытия части наказания. Новаторство проявилось в том, что:

– вопрос решался именно судом, а не органами исполнительной власти;

– процедура приобрела более демократический характер, включая участие осужденного и коллегии воспитателей;

– носила публичный характер.

Не затрагивая ретроспективный анализ данного института, проведенный такими учеными, как А.Ш. Асриев, С.Л. Бабаян, И.И. Евтушенко, А.Ю. Морозов и иными, укажем, что процесс реформирования уголовного законодательства в 90-х годах XX в. позволил сохранить в уголовном законе активно развивающийся в советской правовой науке и законодательстве институт досрочного освобождения. Однако, учитывая новый вектор уголовной политики, существующий институт был сформулирован в ином формате [5, с. 6]. Ключевой особенностью современной модели УДО, закрепленной в ст. 79 УК РФ, стала максимальная детализация (конкретизация) условий и ограничений применения [6, с. 12], что отличает ее как от дореволюционного регулирования, так и от раннесоветской практики.

В отличие от Инструкции 1918 г., содержащей лишь процедуру подачи и рассмотрения ходатайства, современное законодательство детально описывает:

– минимальные сроки отбытия наказания, в зависимости от тяжести преступления;

– условия, связанные с поведением осужденного, его отношением к учебе и труду, возмещением вреда;

– особые правила для отдельных категорий (беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, лица с заменой наказания более мягким видом, осужденные к пожизненному лишению свободы и др.);

– механизм контроля за поведением условно-досрочно освобожденного;

– последствия нарушения условий УДО.

При этом отметим, что российская модель УДО сочетает гуманистические элементы (льготы для социально уязвимых категорий, возможность условного освобождения даже при пожизненном заключении) с жесткими ограничениями (усиление требований к лицам, совершившим особо тяжкие преступления).

В случае сопоставления ст. 79 УК РФ с Уложением 1903 г. и Законом 1909 г. наблюдается наибольший разрыв, что объясняется неохваченной нами эволюцией норм законодательства (однако и не предусмотренной целями данной статьи):

– дореволюционная модель – административная, персонализированная, во многом зависящая от дискреции власти. Здесь наиболее интересным будет труд А.Ю. Морозова, содержащий в себе дискуссионные позиции ученых конца XIX – начала XX века относительно полезности и вредности института досрочного освобождения [2, с. 56–57];

– современная модель – юридически формализованная, с учетом широкого спектра объективных критериев и судебного контроля.

Анализ рассмотренных нами трех ключевых этапов позволяет выделить ключевые тенденции развития института УДО:

1. Демократизация – переход от административных решений к судебным.

2. Дифференциация – постепенное усложнение системы сроков и условий освобождения.

3. Формализация – переход от дискреции к закреплению четких критериев и процедур.

4. Социальная направленность – учет особенностей отдельных категорий осужденных (женщины, несовершеннолетние, пожизненно осужденные).

5. Баланс интересов – сочетание принципа гуманизма и обеспечения общественной безопасности.

Несмотря на многолетнюю апробацию в отечественной правовой системе института условно-досрочного освобождения, его современное состояние как систематизированного и детализированного институ-

та, в условиях стремительной трансформации уголовной политики, возрастания внимания к вопросам ресоциализации в контексте пробации.

Известно, что институт пробации занимает особое место в системе уголовно-правовых средств, направленных на достижение целей наказания, – исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, что перекликается с сущностью УДО, заключающейся в том, что оно выступает инструментом интеграции личности в социум, сочетая охранительные и воспитательные функции уголовной политики:

формирует у осужденного устойчивую мотивацию к правомерному поведению;
обеспечивает постепенный переход от режима изоляции к жизни в обществе;
имеет важное значение для реализации принципа индивидуализации наказания;
обладает значительным криминологическим эффектом.

Совокупность перечисленных элементов позволяет утверждать, что институт УДО является не только средством смягчения наказания [7, с. 166], но и важнейшим фактором ресоциализации, обеспечивающим правомерное возвращение личности в социум при одновременной защите интересов граждан и государства.

Соответственно, в современных реалиях, в условиях функционирования института пробации, институт УДО приобретает

значимость как механизм восстановления баланса интересов общества и личности осужденного. Оно обеспечивает контролируемое возвращение в общество лиц, осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, с сохранением воспитательной функции наказания, что превращает УДО в ключевой инструмент гуманизации уголовной политики.

Следовательно, говоря о последующей модернизации института УДО в свете принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», необходимо исключить чрезмерную формализацию, учитывать ресурсные ограничения и необходимость соотнесения правовых и социальных реалий. К примеру, чрезмерное ужесточение условий для лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, влечет ослабление мотивации к исправлению и фактически нивелирует воспитательный потенциал института, диссонирует с институтом пробации. Справедливым при этом видится введение дифференцированных, но при этом реально достижимых требований к различным категориям осужденных, позволяющих сочетать охранительные функции с задачами ресоциализации. Тем не менее чрезмерная детализация может усложнить судебную процедуру, а также породить риск возникновения новых коллизий и пробелов в законодательном регулировании института УДО.

Список источников

1. Дудырев Ф.Ф. Разработка и принятие Уголовного уложения 1903 г. // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4.
2. Морозов А.Ю. Эволюция условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в российском уголовном праве // Современная научная мысль. 2012. № 1.
3. Бабаян С.Л., Гарибян К.К. История развития института условно-досрочного освобождения в России // Пенитенциарная наука. 2020. № 1. Т. 14.
4. Упоров И.В. Законодательное развитие института наказания в виде лишения свободы после Октябрьской революции (1918–1919 гг.) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3–3 (78).
5. Евтушенко И.И. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и их ресоциализация: монография. – Волгоград: ВолгГТУ, 2005.
6. Александрова К.Н., Бадертдинова И.Я., Нурмухаметов Р.Н. Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Vol. 11–3 (98).
7. Симонова С.С. К вопросу совершенствования института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в российской уголовно-исполнительной системе // Право и практика. 2025. № 2.

Информация об авторе:

Кашкина Екатерина Валерьевна,
ведущий научный сотрудник

About the author:

Kashkina Ekaterina V.,
leading researcher

Статья поступила в редакцию 06.11.2025